СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ОТВЕТ ЦЕРКВИ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Э.В. Ананьев

Приложение 1: Интервью с председателем Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиереем Всеволодом Чаплиным на тему: «Православие как слово к общественной жизни» — с. 69; *Приложение 2*: Интервью с Предстоятелем Русской Православной Старообрядческой Церкви Высокопреосвященнейшим Корнилием, митрополитом Московским и всея Руси на тему: «Обмирщение веры недопустимо...» — с. 73

Цель данного исследования показать, что социальная концепция Русской Православной Церкви не просто декларирует принципы отношений между Церковью и обществом, но определяет и обосновывает статус РПЦ в современной России и проясняет, на какую роль она претендует в обществе.

Исследовательской задачей стали анализ основных понятий и категорий социальной доктрины РПЦ, определение их роли в свете теологических установок, а также сравнение с аналогичными понятиями иных конфессий.

В отличие от Католической Церкви, у которой совокупность папских посланий по социально-политическим проблемам объединена в сборник с названием «Компендиум социального учения Католической Церкви»[1], «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» — это систематизированный документ, излагающий основные, «базовые положения учения [Церкви] по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем»[2].

Известный церковный публицист и дьякон РПЦ Андрей Кураев подчеркнул: «...принятие Социальной концепции на Архиерейском Соборе 2000 г. означает, что нынешняя модель отношений Церкви и государства сохранится надолго. Это модель нейтралитета в диапазоне от благожелательного до холодно-враждебного, но тем не менее без открытых гонений. То, что называется свободой совести. Для Православия — это впервые: Церковь, существующая в светском обществе. Только в этих условиях возможен диалог. Ведь когда Церковь и государство составляли единое целое, тогда не было места для диалога. Между левой и правой рукой никакого диалога быть не может. Сегодня мы разделены. А, значит, должны узнать друг друга. Социальная концепция и есть наш рассказ светскому обществу о том, какими мы хотим видеть наши отношения»[3].

Соответственно, если Компендиум Католической Церкви претендует на исчерпывающую тематическую полноту, то предметом социального воззрения РПЦ являются «фундаментальные богословские и церковно-социальные вопросы, а также те стороны жизни государства и общества, которые были и остаются одинаково актуальными для всей церковной Полноты в конце XX в. и в ближайшем будущем»[4].

Открывается православный социальный документ определением Церкви, которая видится как «собрание верующих во Христа, в которое Им самим призывается войти каждый» (с. 42). Такое начало социального документа обусловлено тем, что современное служение Церкви проходит в сложной общественной среде, которую часто называют то постатеистической, то постхристианской, то секулярной[5]. Задачей православного социального документа, по мнению его авторов, является формулировка общих принципов отношения Церкви к насущным проблемам разных сфер человеческой деятельности, их нравственная оценка.

Если «Компендиум социального учения Католической Церкви», как свидетельствует последовательность рассматриваемых в нем тем, считает

---

[1] См.: *Овсиенко Ф.Г.* Католицизм: уч. пособ. М., 2005. С. 204.

[2] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2008. С. 41. (Далее ссылки на этот документ приводятся в тексте в круглых скобках.)

[3] *Кураев Андрей.* Ответы молодым. Саратов, 2005. С. 224–225.

[4] *Кирилл, митр.* Вступительное слово // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 7.

[5] *Башкиров В., прот.* Основы социальной концепции РПЦ (Краткий аналитических обзор) // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры (Минск, 24–26 мая 2006 г): Материалы чтений «Церковь и социальные проблемы современного общества» / отв. ред. А.Ю. Бендин. Минск, 2007. С. 312

самыми насущными вопросами «Божий замысел любви о человечестве» и «миссию Католической Церкви»[6]; если протестанты выстраивают приоритеты: человек, семья, Церковь, общество, государство, мировое сообщество[7], то насущными проблемами (что также следует из очередности глав), требующими оценки Церкви, по мнению православного социального документа, являются «нация» и «государство».

Напомним: «Социальная позиция Протестантских Церквей России» адресована в первую очередь последователям евангельских церквей на территории России; католический социальный документ обращен не только к христианам, но и к последователям других Церквей, религиозных общин, а также ко всем «людям доброй воли», «которые стремятся служить общему благу»[8]; в центре внимания иудейского социального документа находится нация, а мусульманского — умма (община) как общность людей, исповедующих данное воззрение[9].

Адресат «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» очерчен достаточно определенно и широко. Из преамбулы очевидно, что «Основы...» обращены «к нуждам Полноты Русской Православной Церкви... на канонической территории Московского Патриархата и за пределами таковой» (с. 41), адресованы «верным чадам» Церкви, выступающим в первую очередь как часть коллективного целого, или «члены единого общественного тела» (с. 45).

Председатель Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества прот. Всеволод Чаплин (единственный из ответственных сотрудников РПЦ, кто нашел время для интервью по заявленной теме) в интервью «Православие как слово к общественной жизни» подчеркивает: «...адресатом документа являются прежде всего православные христиане. Так сказано в самом документе. Основы социальной концепции — это послание, адресованное самой Церкви. По сути, это внутрицерковный документ» (см. Приложение 1, с. 69).

Митрополит Одесский и Измаильский Агафангел отметил в своем докладе на международной конференции «Патриарший визит в Украину: отвечая на вызовы времени»: «Канонической территорией Русской Православной Церкви со времен Крещения Руси является территория Святой Руси, Русского мира, ядром которого, как справедливо отмечает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, являются современные Россия, Украина, Белоруссия, Молдова. Наша Церковь сегодня, с одной стороны, постоянно заявляет об уважении к сложившимся государственным границам и суверенитету каждой из окормляемых стран. С другой стороны, Церковь не может не хранить и не возрождать бездумно попранное политиками в силу сиюминутных политических интересов и личной выгоды священное, богозаповеданное духовное, историческое, культурное и народное единство стран Русского мира»[10].

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» состоят из 16 тематических разделов. После изложения основных богословских положений, на которых зиждется социальное учение, документ излагает позицию РПЦ по следующим вопросам: Церковь и нация; Церковь и государство; соотношение христианской этики и светского права; Церковь и политика; труд; собственность; война и мир; преступность, наказание, исправление; личная, семейная и общественная нравственность; здоровье личности и народа; биоэтика; Церковь и проблемы экологии; светские наука, культура и образование; Церковь и СМИ; международные отношения, проблемы глобализации и секуляризации мира. Единственными источниками социального учения «Основы...» называют Божественное Откровение и Церковное Предание, а также «опыт бытия РПЦ в социуме».

Старообрядческое учение о судьбе тварного мира в большей степени, чем остальное христианство, отличает жесткая детерминированность, предопределенность финала: история человечества неизбежно закончится отпадением большинства людей от истинной веры, воцарением антихриста и вторым пришествием Христовым. Развитие цивилизации

---

[6] См.: Компендиум социального учения Католической Церкви. М., 2006.

[7] Социальная позиция Протестантских Церквей России. М., 2009. С 7.

[8] Компендиум социального учения Католической Церкви. С. 23.

[9] См. подробнее: *Ананьев Э.В.* Роль Синагоги в жизни России: особенности и перспективы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 172–181; *Он же*. Социальная доктрина мусульман: взгляд снаружи и изнутри // Там же. 2010. № 2. С. 165–191.

[10] *Агафангел, митр. Одесский и Измаильский*. Международная конференция «Патриарший визит в Украину: отвечая на вызовы времени» // http://www.mospat.ru/ru/2009/11/24/news9493/

завершится не духовным расцветом, а общим отступлением от христианской веры и нравственным разложением. Именно поэтому, отвечая на вопрос о возможности принятия Русской Православной Старообрядческой Церковью социальной концепции, по аналогии с РПЦ, Предстоятель РПСЦ митрополит Московский и всея Руси Корнилий ответил: «Принципы социального служения, по которым всегда жила Православная Старообрядческая Церковь изложены в христианском учении с достаточной полнотой, поэтому в принятии специальной Социальной концепции для нашей Церкви на сегодняшний день не вижу необходимости» (см. Приложение 2, с. 73).

В данной статье, как это было и в предыдущих (№ 1–3 нашего журнала за 2010 г.), рассмотрим наиболее, на наш взгляд, значимые понятия Православного вероучения и категории социальной концепции РПЦ: *нация*, *государство*, *нравственность*, *личность*, *труд*.

Отношение Православного вероучения к понятию *нация* рассматривалось русскими философами: Н. Бердяевым, Н. Арсеньевым, Е. Трубецким, Вл. Соловьевым, В. Зеньковским, а в новейшее время — Патриархом Алексием II (Ридигером), протодиаконом А. Кураевым, Е. Бестужевым, Н. Назаровым, прот. Н. Филиппенко, Т. Беловой и др.[11]

Например, если, с точки зрения мусульманского богословия, *нация* не обладает той ценностью, которой ее наделяет социальная программа российских мусульман, то «Основы социальной концепции Иудаизма в России», выражая взгляд иудейской теологии, обособляют еврейство как народ, представляющий собой национально-социологическую систему, отличающую евреев от систем коллективного существования других народов. Протестанты видят своей основной целью защиту личностных прав и свобод, и как следствие их социальная доктрина подчеркивает свою *межнациональность*.

Социальные документы Католической и Православной Церквей указывают на свою наднациональную природу, при этом по-разному ее трактуя. Католическая социальная доктрина основывает *наднациональность* на стремлении возвещать Евангелие всем людям[12]. Очевидно, что понятие *наднациональность* в контексте социального документа Католической Церкви в некоторой степени близко по объему понятию *межнациональность* в интерпретации российских протестантов[13].

Основы социальной концепции РПЦ, с одной стороны, не дают определения *наднациональности*, но с другой — говорят в ее контексте о духовной и культурной интеграции наций и народов. Таким образом, подразумевается не миссионерски-экспансионная, а охранительно-просветительская роль Церкви. В развитие темы высказался о. Вс. Чаплин (см.: В.4 — с. 70).

Представление о первичности *нации* как субъекта социальной, экономической и политической жизни получает наиболее очевидное отражение уже в самой композиции «Основ...»: рассуждение разворачивается от выстраивания *нации* и первичных проявлений ее социальной природы к менее крупным социальным общностям (государство, общество, семья, человек).

Социальная концепция РПЦ указывает, что «в современном мире понятие *нация* употребляется в двух значениях — как этническая общность и как совокупность граждан определенного государства. Взаимоотношения Церкви и нации должны рассматриваться в контексте как первого, так и второго» (с. 46). Подчеркивая свою наднациональную природу, Православная Церковь претендует на крепкую связь внутри себя вселенского начала

---

[11] См.: *Бердяев Н.А.* Диалектика божественного и человеческого. М., 2007; *Арсеньев Н.* О красоте в мире. Мадрид, 1974; *Трубецкой Е.* Смысл жизни. Берлин, 1922. С. 21–29; *Соловьев В.* Философские начала цельного знания. М., 1886; *Зеньковский В.* История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991; *Алексий, Патриарх.* Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Архиерейском Соборе // Журнал Московской патриархии. М., 2008. № 9. С. 18–45; *Кураев А.* Почему православные такие? М., 2008; *Бестужев Е.Л.* Современное русское православие как политическая религия // Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий. Казань, 2006. С. 142–149; *Назаров Н.М., прот., Филиппенко Н.Г.* Международная научная конференция «Православие и мир: экклесиология — антропология — культура» // Богословские труды. 2007. Сб. 41. С. 577–584; *Белова Т.П.* Позиция Русской Православной Церкви в отношении гражданского общества // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Иваново, 2008. С. 43–50;

[12] Катехизис Католической Церкви. М., 1998. С. 204.

[13] См.: *Ананьев Э.В.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 79.

с национальным. Церковь состоит из множества автокефальных Поместных Церквей, а культурные отличия отдельных народов находят свое выражение в литургической жизни, иконографии, гимнографии, литературе. Все это создает национальную христианскую культуру (с. 48).

Богословское определение *наднациональности*, или *вселенскости*, мы встречаем в трудах известного русского философа Н.А. Бердяева (1874–1948). В частности, в работе «Церковь: вселенскость и конфессионализм» он пишет: «...есть два понимания вселенскости — горизонтальное и вертикальное. Для горизонтального понимания вселенское единство означает охватывание как можно больших пространств земли, универсальную организацию всей поверхности земли. К этому пониманию склоняется католичество. Для вертикального понимания вселенскость есть измерение глубины, вселенскость может быть дана как качество каждой епархии. Это есть понимание православное»[14].

Обосновывает *наднациональность* на основе русской православной цивилизации прот. А. Новиков в статье «Единство русской цивилизации и единство русской Православной Церкви»: «Это не миссия власти, не миссия обладания, это миссия служения христианскому просвещению всех народов и утверждения заповедей Божиих в их жизни. Наш народ неоднократно эту миссию исполнял. Если мы будем жить по заповедям Божиим, будем сильны молитвой, будем способны передать слово Божией правды всему миру, у нас появится возможность еще не раз в истории такую миссию исполнить»[15].

Характеризуя связь между Церковью и нацией, социальный документ вводит понятие «христианский патриотизм». Под этим термином понимается «любовь своего отечества, имеющего территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру» (с. 49). Как подчеркивает один из авторов документа митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), «...действительно, члены Древней Церкви сознавали себя прежде всего гражданами Небесного отечества. Но ведь они не забывали и о земной родине»[16].

С точки зрения Русской Православной Старообрядческой Церкви, не представляется возможным говорить как о наднациональном влиянии, так и о какой-либо национальной специфике русского национального менталитета. М.О. Шахов подчеркивает: «Мы видим, что, независимо от национального состава общества, разрушение державы, олицетворявшей собой четвертое апокалипсическое царство, означало для массового сознания приближение Антихриста и конца мировой истории»[17]. Если Рим и Константинополь пали от иноземного вторжения, то в Москве, со старообрядческой точки зрения, произошло внутреннее крушение: реформы Патриарха Никона знаменовали отпадение от истинной веры церковной и гражданской власти. Именно поэтому в старообрядческой письменности нельзя обнаружить практически никаких упоминаний о «третьем Риме», о национальной исключительности русского народа[18].

Данную позицию обосновывает Предстоятель Русской Православной Старообрядческой Церкви Его Высокопреосвящество митрополит Московский и всея Руси Корнилий (см.: В.3 — с. 73).

Очевидно, что Православная доктрина сформулировала понятие *нация* в рамках социологического тезауруса, с точки зрения которого оно определяется как исторически сложившийся тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, возникающую на основе общности экономических связей, территории, языка, особенностей культуры и быта, психологического склада и самосознания[19].

Из сказанного можно сделать краткий вывод: в православном миросозерцании понятие *нация* тесно связано с понятием *общество* и вторично по отношению к нему; вместе с тем оно первично по отношению к понятию *личность*. В этом содержится принципиальное отличие от точки зрения российских протестантов и католиков,

---

[14] *Бердяев Н.* Церковь: вселенскость и конфессионализм // http://www.messia.ru/r2/1/198/htm

[15] *Новиков А., прот.* Единство русской цивилизации и единство Русской Православной Церкви //http://yarcenter.ru/content/view/26334/78/

[16] *Кирилл (Гундяев), митр.* Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 8.

[17] *Шахов М.О.* Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. С. 49

[18] Там же. С. 48.

[19] См.: *Иванов В.Н.* Нация // Социологический словарь / сост. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2008. С. 276.

социальные доктрины которых указывают на абсолютный примат *личности*. Подобно католической социальной доктрине документ РПЦ указывает на *наднациональную природу* Церкви, вместе с тем объемы рассматриваемого понятия не совпадают. Если Католическая Церковь рассматривает *наднациональность* с точки зрения миссиологии, то социальная концепция РПЦ в одном ряду с социальным документом КЕРОР подчеркивает в первую очередь культурно-просветительскую роль Церкви в обществе.

Православное богословие уделяло и уделяет большое внимание разработке другого понятия, связанного с понятием нация, — *государство*.

Разработанное такими столпами православной философской мысли, как митрополит Московский Филарет (Дроздов), Вл. Соловьев, Н. Лосский, Н. Бердяев, оно достаточно подробно освещено в работах, в частности, Патриарха Алексия II, А.В. Клюшникова, Г.А. Аванесовой, А.С. Андрейченко, М.И. Одинцова, Е. Холмогорова, Т.П. Беловой[20] и др.

Напомним, что социальная концепция мусульман считает основанием государства общественный договор, а социальная доктрина Католической Церкви (в соответствии с теологическими установками) подчеркивает, что государство — это «форма выражения социальности»; протестантская социальная доктрина рассматривает *государство* в качестве Богоустановленной власти, предназначенной для выполнения заказа *общества* по защите интересов отдельной *личности*.

Основы социальной концепции РПЦ отвели *государству* значительно меньшее место в жизни общества, чем то, которое определено традиционными православными церковными установлениями и проповедью.

Отношение Православного богословия (Священного Писания и святоотеческих преданий) к этому понятию выразил в своих трудах митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782–1867), который указывал на непроизвольный характер создания государства, «как силы природы, предваряющей всякий договор и соглашение»[21]. В частности, в своем учении «О власти и государстве» он писал: «Правительство, не огражденное свято почитаемою ото всего народа неприкосновенностью, не может действовать ни всею полнотой силы, ни всею свободой ревности, потребной для устроения и охранения общественного блага и безопасности... Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства... Закон, мертвый в книге, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчиненных деятелей есть Царь»[22].

Сформулировал и объяснил суть «византийской симфонии» митрополит Московский Платон (Левшин, 1737–1812). В частности, в речи, произнесенной в 1772 г. по случаю для рождения императрицы Екатерины II, он сказал: «Церковь и общество соединены таким образом, что одна отличается от другого не существом, но отношением. Гражданское общество — это союз людей, объединенных одними законами и одной и той же формой правления. Но ведь то же общество в той же мере, в какой оно, сверх того, объединено соблюдением одной формы культа и одних и тех же священных обрядов, есть Церковь»[23]. Согласен с данной точкой зрения известный представитель русской религиозной философии Н.О. Лосский (1870–1965), который указывает: «Государство, отделенное от Церкви, пришло бы к религии человечества, или самообожествлению, или к релятивизму. Такое отделение

---

[20] См. например: *Филарет, митр. Московский.* Учение о власти и государстве // Православная жизнь. 1997. № 9, 10; *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.* Церковь, общество, политика: взгляд из Москвы // Церковь и время. 2008. № 1 (42). С. 5–16; *Клюшников А.В.* Роль «Симфонии» светской и духовной власти в политическом устройстве современной России // Православие и власть: традиция и современность. СПб., 2007. С. 103–115; *Аванесова Г.А.* Роль православия в развитии отечественной культуры // Гуманитарное знание. 2007. № 23. С. 52–67; *Андрейченко А.С.* Идея симфонии властей как основа отечественного государственно-правового консерватизма // Материалы диссертационных исследований докторантов, адъюнктов и соискателей. Таганрог, 2006. Ч. 2. С. 3–6; *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; *Панкратов И.Е.* Церковь и государство в социальной доктрине Русской Православной Церкви // Вестник Нижегородского университета. 2002. Вып. 1. С. 147–150; *Холмогоров Е.* Застенчивая иерократия // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). С. 13–24; *Белова Т.П.* Позиция Русской Православной Церкви в отношении гражданского общества // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. С. 43–50.

[21] *Филарет, митр. Московский.* Учение о власти и государстве // http://zlev.ru/169/169_21.html/

[22] Там же.

[23] *Платон, митр. Московский.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1913. С. 339

невозможно, поскольку государство имеет истинные, потенциально христианские идеалы. Необходимо установить границы деятельности Церкви и государства. Задача Церкви — настаивать на том, чтобы государства свободно совершенствовались ради Царства Небесного»[24].

Старообрядчество достаточно долгий период времени рассматривало государственную власть как власть антихриста, государственный герб — как печать антихриста; многие не совершали молитву о властях, всячески избегали участия в государственной деятельности[25]. М.О. Шахов говорит: «Данная позиция не дает основания сближать Старообрядческую Церковь с протестантизмом и рационалистическими сектами: староверие не отрицает и не изменяет традиционного православного мировоззрения по отношению к государству в принципе, как к институту, Богом установленному. Данная точка зрения выработана в конкретной, апокалипсически окрашенной ситуации всеобщего отступления»[26]. По словам И.М. Громогласова, «против понимания раскола, в первое время его существования, как протеста против государственной власти самым решительным образом говорит то, что именно к государственной власти, к царю Алексею Михайловичу, обращаются первые расколоучители за содействием — с жалобами на п. Никона и с просьбами о его удалении»[27]. Только после анафем Собора 1667 г. и под влиянием принимавших все больший размах и жестокость репрессий староверческие мыслители были вынуждены расстаться с надеждой на возвращение царя к истинной вере[28]. Точку зрения сегодняшнего старообрядчества по данному вопросу сформулировал митрополит Московский и всея Руси Корнилий (см.: В.8 — с. 73).

Основы социальной концепции РПЦ предлагают эволюционную концепцию образования государства, «при этом в качестве нормативной истории возникновения государства дается уникальная и исключительная история царства Израильского»[29]. В социальном документе подчеркнуто: «Таким образом, возникновение земного государства должно быть понимаемо не как изначально богоустановленная реальность, но как предоставление Богом людям возможности устроять свою общественную жизнь исходя из их свободного волеизъявления, с тем чтобы таковое устроение, являющееся ответом на искаженную грехом земную реальность, помогало избежать еще большего греха через противодействие ему средствами мирской власти» (с. 51–52).

Очевидно, что социальный документ отступает от дореволюционной византийской традиции церковно-государственной «симфонии». Основы социальной концепции указывают, что Церковь прекрасно сознает опасность, связанную с потерей свободы через включение ее в структуру государственного механизма (с. 54). Документ подчеркивает, что в современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Сотрудничество с конфессиями основывается на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл на IX Рождественских образовательных чтениях отметил: «...важно правильно обозначить пределы компетентности государственной власти. Государство ни в коем случае не должно превращаться в самодовлеющий институт. Мы знаем, что такая тенденция неоднократно проявлялась в истории, знаем и то, к каким опасным последствиям она может приводить»[30]. В продолжение темы высказывается прот. Вс. Чаплин (см.: В.9 — с. 71).

Вместе с тем в «Основах...» отмечается: «Существует также форма церковно-государственных взаимоотношений, которая носит промежуточный характер между радикальным отделением Церкви от государства, когда Церковь имеет статус частной корпорации, и государственной церковностью.

---

[24] *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 2007. С. 394

[25] См.: *Шахов М.О.* Старообрядчество, общество, государство. С. 54–55.

[26] Там же. С. 56.

[27] *Громогласов И.М.* О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядства. Серг. Посад, 1895. С. 20.

[28] См.: *Шахов М.О.* Старообрядчество, общество, государство. С. 58.

[29] *Холмогоров Е.* Застенчивая иерократия // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). С. 16.

[30] *Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский.* Доклад на IX Рождественских образовательных чтениях // www.patriarhia.ru

Речь идет о статусе Церкви как корпорации публичного права. В этом случае Церковь может иметь ряд привилегий и обязанностей, делегированных ей государством, не являясь государственной Церковью в собственном смысле слова» (с. 59–60). Хотя эта мысль не находит дальнейшего развития на страницах социального документа, думается, что именно такая модель церковно-государственных отношений близка и понятна его авторам.

Очевидно, что, формулируя «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» именно как долгосрочную программу общественного служения Церкви, авторы документа рассматривают именно Церковь в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в «Основах...» проблемы и сюжеты церковно-государственных отношений.

Критической позиции (в отличие от остальных конфессиональных социальных документов) РПЦ придерживается в вопросе равенства религиозных объединений перед законом. По этому поводу сказано, что Церковь «вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического, культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» (с. 63).

Основы социальной концепции РПЦ, в отличие от католического компендиума, указывающего лишь принципы церковно-государственных отношений[31], дают исчерпывающий список направлений взаимодействия Православной Церкви и государства:

– миротворчество, взаимопонимание и сотрудничество между любыми народами и государствами;

– забота о сохранении нравственности в обществе; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; дела милосердия и благотворительности — совместные социальные программы; охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия; попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных заведений; профилактика правонарушений, забота о заключенных;

– наука и гуманитарные исследования; здравоохранение; культура и творчество; средства массовой информации; защита окружающей среды; поддержка института семьи, материнства и детства; противодействие псевдорелигиозным движениям, опасным для личности и общества (с. 64–65).

Вместе с тем Основы социальной концепции РПЦ (в чем принципиальное отличие от всех остальных социальных документов) наделяют государство весьма специфическими полномочиями — в частности, функцией ограждения личности и общества от опасных проявлений греха, а также противостояние греху путем насилия (с. 55). Опасность данной формулировки, как отмечает А.В. Пчелинцев, видится в том, что подобное понимание не исключает возможности оценочного толкования данной идеи и может находиться вне рамок правового поля[32].

Далее. Православная социальная доктрина, как и социальное учение Католической Церкви[33], указывает, что Церковь может и должна давать нравственные суждения по тем или иным аспектам общественной жизни, в том числе и в отношении политической ситуации. В документе сказано: «Неучастие церковной Полноты в политической борьбе, в деятельности политических партий и в предвыборных процессах не означает ее отказа от публичного выражения позиции по общественно значимым вопросам, от представления этой позиции перед лицом органов власти любой страны на любом уровне» (с. 82).

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» предусматривают возможность участия в акции гражданского неповиновения. В частности, в документе сказано: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и его Церкви, а также к греховным, душевредительным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении» (с. 61). Схожей точки зрения, наряду с социальной доктриной иудеев[34], но в отличие от социальных воззрений

---

[31] См.: *Ананьев Э.В.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 81.

[32] См.: *Пчелинцев А.В.* Право на свободу совести в социальных концепциях религиозных объединений России // Религия и право. 2009. № 4. С. 5.

[33] См.: *Ананьев Э.В.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 82.

[34] См. подробнее: *Ананьев Э.В.* Роль Синагоги в жизни России: особенности и перспективы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 174.

протестантов и мусульман, придерживается католический Катехизис[35].

В целом социальная доктрина РПЦ содержит самый подробный анализ церковно-государственных отношений и рассматривает его в рамках философских подходов, с точки зрения которых государство определяется как структура господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий людей, совершающихся благодаря представительству, и которая в конечном счете упорядочивает общественные действия в той или иной области.

Исходя из сказанного, сделаем вывод. Социальная доктрина Русской Православной Церкви рассматривает *государство* с социально-философской точки зрения, определяющей его в качестве структуры господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий, в то время как точка зрения богословия определяет данное понятие в качестве Божественного установления. В отличие от социального учения Католической церкви, обозначающего лишь принципы своих взаимоотношений с *обществом* и *государством*, и протестантов, регламентирующих свои отношения с *государством* только в области защиты прав *человека*, православная концепция предлагает исчерпывающий список направлений взаимодействия с ним. Наряду с социальными доктринами иудеев и католиков, но в отличие от протестантов и мусульман, социальный документ Православной Церкви предусматривает возможность участия своих последователей в акциях гражданского неповиновения.

Таким образом, социальный документ РПЦ видит Церковь в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в «Основах...» проблемы и сюжеты церковно-государственных отношений. Именно с точки зрения основ социальной концепции РПЦ, наряду с социальной доктриной иудеев, но в отличие от социальных доктрин католиков, протестантов и мусульман, *государство* вторично по отношению к *обществу*, но первично по отношению к понятию *личность*, а общественное в православном сознании превалирует над индивидуальным.

* * *

Система *православной этики* получила известную степень формализации у Н. Бердяева, П. Чаадаева, Б. Вышеславцева, А. Хомякова, Е. Трубецкого и подробно освещена в работах С. Дивногорцевой, О. Парилова, В. Тихменевой, И. Морозовой, Т. Беловой, Ю. Зуева и др.[36]

Если социальные доктрины иудеев и мусульман рассматривают вопросы *этики* в контексте *права*, то в основах социальной концепции РПЦ, как и у остальных христианских конфессий, вопросы нравственности взаимоувязаны с таким феноменом, как *свобода*, и определенной ее мерой. Катехизис Православной Церкви подчеркивает, что «Святая Церковь никогда и ни от какого своего члена не требует слепого, рабского принятия какой-либо истины»[37].

Православная этика сформировалась в середине XIX в., отпочковавшись от догматического богословия[38]. Догматическим основанием православной этики, как подчеркивает Ю.П. Зуев, являются прежде всего опирающиеся на Священное Писание вероучительные истины о человеке как образе и подобии Бога, о его грехопадении, о спасительной миссии Иисуса Христа. Другим ее источником служит мистико-аскетический опыт восточно-христианских подвижников, отложившийся в предании Церкви[39]. Формализуя религиозно-философское

---

[35] См.: Катехизис Католической Церкви. С. 516.

[36] См., напр.: *Дивногорцева С.Ю.* Религиозно-нравственное воспитание как внутренняя потребность личности // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. Т. 2. С. 145–158; *Парилов О.М.* Основанный на православии органический консерватизм как модель развития России // Будущее религии: из настоящего в грядущее. Н. Новгород, 2008. С. 185–190; *Тихменева В.А.* Роль СМИ в защите нравственности и норм общественной жизни // Религиозное и светское образование: традиции и современность: сб. докл. VII Рождественских образовательных чтений (9 февр. 2007). Магадан, 2008. С. 29–36; *Морозова И.Н.* Проблема христианства и культуры в традиции отечественной духовности (мнения, гипотезы, аспекты методологии исследования) // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 54. С. 131–152; *Белова Т.П.* Позиция Русской Православной Церкви в отношении гражданского общества // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. С. 43–50.

[37] *Семенов Тян-Шанский А.П.* Православный катехизис. М., 2005. С. 35.

[38] См.: *Зуев Ю.П.* Православная этика // Религиоведение: энциклопедический словарь. М., 2006. С. 791.

[39] Там же.

понимание взаимоотношения этики и свободы, Е.Н. Трубецкой (1863–1920) писал: «Свобода метаномична и металогична, ибо она “христологична”, “духовна”, “Бого-человечна”. Сам Христос — это вершина свободы, и именно в Нем мы воистину свободны. Учение о Христе — это ключ к разрешению вопроса о человеческой свободе»[40]. Н.А. Бердяев (1874–1948) продолжил развитие этой темы: «И поскольку Христа являет нам Его Дух, то свобода есть “дух”, она имеет духовный источник, и она умаляется по мере продвижения от духовной стороны жизни к материальной ее стороне. Необходимость возрастает от приближения к материи. Этой тяжелой необходимости не было бы лишь в райском хозяйстве, когда дух окончательно овладеет материей и подчинит ее себе»[41]. Бердяев подчеркивал неотделимость свободы от благодати, понимаемой как трансцендентная сила, воздействующая на человека извне, тогда как она является частью внутренней жизни Духа. Она есть «иррациональная тайна бытия, тайна жизни и судьбы»[42]. В книге «О назначении человека»[43] Бердяев предложил различать три вида этики, соответствующие трем видам откровения: этику закона, этику искупления и этику творческого акта. Этика закона действует в мире греха; этика искупления направляет человека ко Христу, который освобождает человека от рабства; исходный пункт этики творческого акта следует искать в притче о талантах (Мф. 28: 15) и в учении ап. Павла о различии даров.

Н.А. Бердяев приходит к выводу о том, что человек должен все время его обновлять и творить нравственный порядок, поскольку не существует застывшего нравственного закона, применимого ко всем случаям. Свобода Христа, делающая возможной устремленность к Богу, становится источником свободы рода человеческого, «ибо род человеческий есть не только род природного адама, но и род духовного Адама, род Христов»[44].

Полностью согласен с данным подходом прот. Фома (Хопко). Он, в частности, пишет: «Каждый поступок христианина, каждая мысль его, каждое слово и каждое дело, каждое проявление его личности — должны быть духовными, то есть вдохновляемыми и ведомыми святым духом, чтобы воля Бога Отца могла быть исполнена так, как она была явлена в Его Сыне»[45].

Таким образом, очевидно, что православное богословие исходит из того, что человек, будучи сотворен Богом, есть существо нравственное по своей природе. У него врожденные нравственные чувства, потребности и есть свобода воли. Религиозная и нравственная жизнь человека образуют органическое единство, их отдельное друг от друга существование невозможно.

Ю.П. Зуев подчеркивает: «Православная этика выделяет в нравственной жизни человека три вектора отношений: к себе, к ближним, к Богу. В отношении к себе — через самоограничение, личную аскезу необходимо стремиться к преодолению “самости”, эгоизма привязанности к преходящим ценностям жизни. В отношении к ближним — справедливость и деятельная, самоотверженная любовь. ... В отношении к Богу — через личную аскезу и деятельную любовь человек становится на путь богопознания, объективного, сущностного приобщения человеческой природы к Божественной»[46]. Отсюда следует, что в православном понимании Спасение достигается взаимодействием (синергией) Божественной благодати и свободной устремленности человека к Богу.

Основы социальной концепции РПЦ, в отличие от католического социального документа, с одной стороны, не дают определения/понимания *нравственности*, но с другой — указывают, что нравственное совершенствование — это одна из основных задач, стоящих перед Русской Православной Церковью (с. 69).

«Основы...» проводят параллель между правом и моралью: «Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая

---

[40] *Трубецкой. Е.Н.* Смысл жизни. М., 2003. Т. 1. С. 6–7.

[41] *Бердяев Н.А.* Русская идея. М., 2008. С. 163.

[42] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М., 2006. Ч.1. С. 179

[43] См.: *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 2006. С. 12–15

[44] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. Ч. 1. С. 201.

[45] *Хопко Ф., прот.* Основы Православия. М., 1987. С. 209.

[46] *Зуев Ю.П.* Православная этика // Религиоведение: энциклопедический словарь. С. 792.

система права, создаваемая человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства... Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательный для всех членов общества. Задача светского закона не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» (с. 70).

Подвергает критике такой подход игумен Вениамин (Новик). Проводя анализ первых пяти глав Основ социальной концепции РПЦ, он отмечает: «...в четвертой главе прослеживается некоторая ностальгия по законодательной регламентации всех аспектов жизни в социуме, как это имело место в древних (традиционных) обществах, не знавших прав индивидуумов. Не содержится попыток рассмотреть действительно непростой вопрос меры, или баланса, между степенью регламентации (необходимой для установления и поддержания порядка) и степенью личной свободы, без которой не может быть речи об осознанной вере и независимом мировоззрении»[47].

Взаимоотношение категорий нравственности и свободы в свете социальной доктрины получило свое развитие в ходе заседаний X Всемирного Русского Народного Собора, посвященного теме «Экология души и молодежь: Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» (Москва, 21–23 мая 2009 г.). В Декларации прав и достоинства личности, принятой по его итогам, говорится о признании в человеке двух свобод — внутренней свободы от зла и свободы нравственного выбора. В документе, в частности, сказано: «Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность — достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло»[48]. Развивает данную мысль прот. Вс. Чаплин (см.: В.11 — с. 71).

Схожих взглядов придерживается Русская Православная Старообрядческая Церковь, точку зрения которой сформулировал ее Предстоятель — митрополит Московский и всея Руси Корнилий (см.: В.10 — с. 74).

В целом же очевидно, что православие, в отличие от католицизма и протестантизма, недостаточно глубоко разработало вопросы социальной этики. Все сферы и уровни общественных отношений сведены к индивидуально-личностным отношениям. Вместе с тем социальная доктрина Православной Церкви рассматривает понятие *этика* в рамках социологического подхода, исходя из которого этика — это: 1) учение о морали, ее сущности, структуре, функциях, законах ее исторического развития и роли в общественной жизни; 2) система норм нравственного поведения индивида, предписываемых его общественным или профессиональным статусом или статусом профессиональной группы в целом.

Таким образом, очевидно, что с точки зрения Православной Церкви, «свобода от зла», в отличие от социальных доктрин католиков[49] и протестантов[50], гораздо выше и глубже свободы выбора основных личностных прав и свобод.

Подводя краткий итог, заметим: проблемы этики рассматриваются социальной концепцией РПЦ, как и всеми остальными исследуемыми нами документами централизованных религиозных объединений России, в рамках социологического подхода. Вместе с тем все христианские Церкви рассматривают проблему нравственности в контексте свободы, в то время как социальные документы КЕРООР и российских мусульман придерживаются взгляда на этику с правовой точки зрения, оставляя вопрос соотношения «нравственность — свобода» на периферии своих социальных воззрений. Только в социальных доктринах христианских конфессий *нравственность* занимает центральное место и рассматривается в контексте понятия *личность*. Только социальная доктрина РПЦ в иерархии нравственных ценностей свободу от зла ставит гораздо выше свободы выбора основных личностных прав и свобод. Вместе с тем вопросы социальной этики разработаны недостаточно глубоко, а все сферы и уровни общественных отношений сведены к индивидуально-личностным отношениям.

В результате анализа «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» проясняется некоторая специфика и такого немаловажного понятия, как *труд*.

---

[47] *Вениамин (Новик), игумен.* Анализ 1–5 глав Основ социальной концепции РПЦ // www.ucheba.ru/referats/32887.html

[48] См.: http://www.patriarchia.ru/db/text/103244.html

[49] См.: Катехизис Католической Церкви. С. 187.

[50] См.: Социальная позиция Протестантских Церквей России. С. 13.

Понятие *труд* в Православной традиции нашло отражение в трудах Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иеронима Блаженного, других отцов Церкви, позднее изучено С. Булгаковым, Н. Макашевым, Вл. Соловьевым, в настоящее время исследовано, в частности, И.В. Перцевой, И.К. Забаевым, Т.С. Коваль, Р. Пожарлиевым, М.О. Орловым, Н.В. Водяновой и др.[51]

Ранее мы рассмотрели понятие *труд* в иудейской, мусульманской и западно-европейских социальных доктринах[52]. Напомним, что роль труда в иудео-христианских традициях рассматривается с точки зрения внутреннего состояния человека, в отличие от исламского понимания труда, где он оценивается только с точки зрения его результата. Католическая и протестантские традиции говорят о труде как форме *богопоклонения*.

Православные святоотеческие предания возвышают всяческий труд — как физический, так и умственный. Как отметил митрополит Кирилл на VIII Всемирном Русском Народном Соборе «Россия и православный мир», всякое делание человека в мире может стать средством воспитания души и восхождения ее к Богу, трудовая и хозяйственная деятельность открыты для освещения их духовным светом. По слову св. Василия Великого, «...следует знать, что работающий работает не для того, чтобы трудом служить только своим потребностям, а для того, чтобы исполнить заповедь Господню»[53].

Православный идеал (как и христианский в целом) есть не *антиэкономизм* (как это было в платонизме и дуалистических учениях), но *сверхэкономизм* (по выражению С.Н. Булгакова). Это значит, что Православие (как и христианство в целом) не отрицает хозяйствование, но ориентирует его духовно и нравственно, подчиняет труд и всю хозяйственно-экономическую деятельность высшим целям, превращает их в религиозное служение. Так труд и весь хозяйственно-экономический процесс приобретают смысл, который лежит выше конкретного труда и выше хозяйства как такового, становясь средством совершенствования, одухотворения мира и человека, подъема земной горизонтали в небесные высоты[54].

Православие, в отличие от католицизма и протестантизма, значительно более опосредованно связано с хозяйственно-экономической сферой жизни. Русское богословие никогда не создавало своей «политэкономии», подобно той, которую разрабатывали в католической Европе схоласты, занимаясь вопросами «справедливой» и «законной» цены, допустимой нормы прибыли, регламентацией торговли, определением добропорядочных форм и видов труда и т.д.[55] При этом, как справедливо отмечает Т.Б. Коваль, Православие не игнорирует хозяйственно-экономические проблемы, но подходит к их решению иначе. Это «иначе» определяется отличным от католицизма и протестантизма ракурсом видения мира и человека, своего рода «обратной перспективой», запечатленной в русской иконографии[56]. Т.Б. Коваль, в частности, пишет: «Православие вдохновляется образом апостола

---

[51] См.: *Перцева И.В.* Понятие социального служения Русской Православной Церкви // XVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 2. С. 238–244; *Забаев И.К.* Основные категории хозяйственной этики современного русского православия // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 5–26; *Коваль Т.Б.* Христианская этика труда (Православие, Католицизм, Протестантизм: опыт сравнительного анализа) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55–56; *Пожарлиев Р.* Самоотчуждение и аскеза // Христианство и культура. 2004. № 2. С. 50–59; *Орлов М.О.* Социальная концепция Русской Православной Церкви: традиция и инновации // Религиозный фактор в процессе становления гражданского общества в современной России. Саратов, 2004. С. 154–160; *Водянова Н.В.* Трудовая этика православного менталитета и проблема самореализации личности // Православие на Урале: исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры. Челябинск, 2007. Ч. 2. С. 149 –153.

[52] См. подробнее: *Ананьев Э.В.* Роль синагоги в жизни России: особенности и перспективы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 176; *Он же.* Социальная доктрина мусульман: взгляд снаружи и изнутри // Там же. 2010. № 2. С. 174–175; *Он же.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Там же. 2010. № 3. С. 85.

[53] См.: *Кирилл, митр. Смоленский и Калининградский.* Россия и православный мир: доклад на VIII Всемирном Русском Народном Соборе // http://www.fortmaster-project.ru/kodeks.dok

[54] См.: *Булгаков С.Н.* Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. М., 1903. С. 40–41; *Макашева Н.А.* Сергей Булгаков: к христианской политэкономии // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 12–15.

[55] См.: *Пожарлиев Р.* Самоотчуждение и аскеза // Христианство и культура. 2004. № 2. С. 50– 51.

[56] См.: *Коваль Т.Б.* Христианская этика труда: (Православие, Католицизм, Протестантизм: опыт сравнительного анализа) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 55–56;

Иоанна, душа которого была устремлена в горние высоты, тяготея более к внутренней, созерцательной, нежели внешней, практической жизни. Католицизм же имеет "петровский" духовный тип, т.е. более ориентируется на образ апостола Петра, деятельного и энергичного»[57]. Соответственно православное религиозное сознание больше сосредоточивается на небесном, абсолютном и вечном. Коваль отмечает: «Паря над землей, оно (православие. — *Э.А.*) смотрит на землю с высоты небес и решает земные проблемы, памятуя о вечности. Западное христианство, напротив, смотрит на небо с земли. Акцентируя внимание на человеческом в богочеловечестве Иисуса Христа, оно рационально и с практическим расчетом строит лестницу в небо, уделяя значительно большее внимание внешним средствам воспитания религиозной воли личности, земным проблемам, культуре в целом»[58].

С.Н. Булгаков (1873–1944) подчеркивал: «Утверждая, что внутреннее, духовное, определяет внешнее, православие тем самым выстраивает определенную систему ценностей, в которой дух главенствует рад материей, духовное обусловливает телесное, вечное определяет временное и преходящее. Восстановление должного соотношения духа и плоти составляет центральный нерв этики труда православия»[59]. Булгаков писал, что этика труда есть в конечном итоге вопрос о господстве духовного начала над материальным. Для православия неприемлемо выставление личного интереса как основного побуждения к труду. Это значит, как говорил Вл. Соловьев, «...отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным»[60].

Схожий взгляд наблюдается в трудах современных авторов, в частности, у прот. Фомы (Хопко): «Богатому человеку трудно спастись... оболь-щение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодным в его сердце»[61]; у А.В. Посадского: «Важно отметить, что для Сергея Булгакова именно христианская трудовая этика сделала из Европы очаг первичной модернизации мира. Развитие промышленности, науки и техники, творческое преобразование человеком природы органически взаимосвязано с христианской духовностью. Так, христианская (православная) религиозная психология вызвала к жизни русскую промышленность и определила образ русского капитализма»[62].

С точки зрения староверов раскрывает взаимосвязь веры и успехов предпринимательства М.О. Шахов. В частности, он пишет: «Можно ли говорить о том, что успехи староверчесаких купцов и капиталистов были обусловлены их религиозным мировоззрением? Несомненно одно: правительственные гонения побуждали староверов консолидироваться, и фабрики, принадлежавшие старообрядцам, представляли собой нечто вроде религиозных общин. Однако, если М. Вебер мог из самих трактатов протестантских богословов черпать доказательства прямой связи хозяйственной практики с мировоззрением, то в старообрядческой литературе нет никаких теоретических экскурсов в область философии хозяйства, за исключением, быть может, не выходящих за пределы традиции упоминаний о необходимости честно трудиться»[63]. Г. Флоровский пытался объяснить повышенную предприимчивость староверов следующим парадоксом: по учению беспоповцев, в мире воцарился антихрист, из мира ушла благодать. Это, по его мнению, оборачивалось своеобразным «пелагианством» — в этом мире человек не может надеяться на помощь благодати и, значит, должен рассчитывать только на свои собственные силы[64]. В развитие темы высказался Предстоятель Русской Право-

[57] *Коваль Т.Б.* Христианская этика труда: (Православие, Католицизм, Протестантизм. Опыт сравнительного анализа) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 56.

[58] Там же. С. 58.

[59] *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 186.

[60] *Соловьев. В.С.* Экономический вопрос с нравственной точки зрения // *Соловьев. В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 418.

[61] *Хопко Фома, прот.* Основы Православия. С. 307.

[62] *Посадский А.В.* Духовные основания капитализма в контексте философии хозяйства С. Булгакова // http://www.pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/statia/kapitalizm_bulgakov-s14.php

[63] *Шахов М.О.* Старообрядчество, общество, государство. С. 64–65.

[64] См.: *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 70.

славной Старообрядческой Церкви митрополит Корнилий (см.: В.11 — с. 74).

В целом можно сказать, что православие призывает «молиться и трудиться», в то время как формула католицизма — «трудиться и молиться»[65], а протестантизм убежден в том, что труд и есть молитва[66].

Богословский взгляд РПЦ нашел свое выражение и в «Основах социальной концепции...». В документе сказано, что труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда способствует исполнению замысла Божия о мире и человеке. Есть два нравственных побуждения к труду: трудиться, чтобы питаться самому, никого не отягощая, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся. Поэтому благословляется всякий труд, направленный на благо людей. Заповеди Божии повелевают трудящимся заботиться о людях, которые не могут зарабатывать себе на жизнь: больных, беженцах, сиротах и вдовах, делиться с ними плодами труда, а это требует справедливого распределения продуктов (с. 88–90). Развивает данную мысль прот. Вс. Чаплин (см.: В. 12 — с. 72).

Очевидно, что в «Основах...» труд описывается в рамках социал-детерминистского (социологического) подхода, который определяет труд как целесообразную, сознательную деятельность, в процессе которой человек при помощи орудий труда осваивает, изменяет и приспосабливает к своим целям предметы природы.

Отметим, что данная тема получила развитие в ходе работы VIII Всемирного Русского Народного Собора (декабрь 2002 г.), возглавлявшегося Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В частности, был утвержден разработанный ранее Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Принятый документ интерпретирует по отношению к современным экономическим реалиям этику десяти библейских заповедей.

В преамбуле документа сказано: «Свод нравственных принципов и правил описывает идеальную модель хозяйствования, которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности. Возможно, реальность еще долго не будет соответствовать данному документу. Но нельзя заранее говорить, что цель следования ему недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика»[67].

Краткий вывод, который можно сделать здесь, таков: во всех иудео-христианских традициях превалирует субъективное измерение труда над объективным. Роль труда рассматривается с точки зрения внутреннего состояния человека, в отличие от исламского понимания труда, где он оценивается только с точки зрения результата. С точки зрения православного богословия, труд оценивается с «высоты небес». Земные проблемы рассматриваются, памятуя о вечности, в то время как западное христианство, напротив, смотрит «на небо с земли». Весьма поверхностно раскрывают проблемы труда Основы социальной концепции РПЦ. Возможно, причина в том, что данное понятие подробно регламентируется Православной Церковью с точки зрения богословия, а также в религиозно-философских воззрениях.

Понятие *личность* с точки зрения православного богословия определено в сочинениях апологетов и отцов Церкви: Тертуллиана «О душе», Григория Нисского «Об устроении человека», Климента Александрийского «Протрептик» и «Педагог», позже в трудах Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина; оно изучено довольно подробно также В. Несмеловым, Н. Бердяевым, П. Чаадаевым, В. Зеньковским, Л. Карсавиным; из наших современников в общем ряду упомянем лишь Патриарха Алексия II, владыку Николая (Велимировича), свящ. Георгия (Кочеткова) и Н. Назарова, игумена Вениамина (Новика) и протодиа-

[65] *Ананьев Э.В.* Социальные учения западно-христианских традиций: концепция возможности или программа необходимости // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 101.

[66] См. там же. С. 107.

[67] Этический кодекс православного предпринимателя // http://k.mihck.info/node/453

кона А. Кураева, С. Дивногорцеву, А. Котенкову, Н. Филлипенко, Р. Новикову, И. Евланникову, Ю. Овинникову, А. Кырлежева и др.[68]

Православное богословие, в одном ряду с остальными христианскими традициями, рассматривает *личность* в первую очередь в сотериологическом аспекте. Богообразность человека усматривается большинством православных богословов в его духовности, разумности и свободе. С учением о грехопадении человека связывается различение образа и подобия: падший человек утратил богоподобие, но сохранил образ Божий, а с ним и свободу воли и бессмертие[69]. Человек способен быть причастным к «нетварной энергии» Бога, который, оставаясь запредельным человеку в своей сущности, нисходит к нему энергиями. Один из отцов Церкви, епископ Кесарии Каппадокийской Василий Великий (329/330–379) писал: «Человек есть разумное творение Бога, созданное по образу его Творца,.. тварь, получившая повеление стать богом... Ветхий мир ограничивает и рассеивает личность, а новый — раскрывает и собирает ее во Христе. Собирание личности приводит человека ко Христу и предполагает его стремление к единству тела и сердца, плоти и духа»[70]. Если на Западе личность и индивидуальность — это синонимы, то Православная антропология различает эти понятия. Священник Георгий Кочетков пишет: «Для нас (православных. — *Э.А.*) индивидуальность — то, что выделяет, а часто и отделяет человека от других людей. Личность же — то, что приводит человека к полноте его единства с Богом и ближними по любви к ним. Она — то, что рождается свыше, "от воды и Духа". Кто не рожден свыше — тот еще не личность, а как бы кандидат для нее»[71]. Таким образом, с точки зрения православной антропологии, личность — это не онтологическая, а скорее духовно-экзистенциальная категория. Поэтому естественно, что в православной догматике это понятие почти отсутствует.

Напомним, что «Основы социальной концепции Иудаизма в России» подчеркивают вторичность *личности* по отношению к *обществу*[72], обозначая ценность понятия «личность» лишь в сотериологическом плане. С точки зрения российских мусульман, *личность* в социальной традиции открывается только в контексте ответственности перед обществом, в то время как сотериологические аспекты понятия *личность* в социальной доктрине уммы оставлены без внимания[73]. Социальные доктрины Католической Церкви и протестантов утверждают абсолютный примат человеческой личности над социумом[74].

Основы социальной концепции РПЦ не выделяют понятие *личность* в отдельную главу, а рассматривают его через призму ответственности, семейной

[68] См., напр.: *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Архиерейском Соборе // Журнал Московской патриархии. 2008. № 9. С. 18–45; *Кураев А.* Почему православные такие? М., 2008; *Дивногорцева С.Ю.* Религиозно-нравственное воспитание как внутренняя потребность личности // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 2. С. 145–158; *Котенева А.В.* Духовность личности как фактор преодоления деструктивной психозащиты. М., 2007; *Назаров Н.М., прот., Филлипенко Н.Г.* Международная научная конференция «Православие и мир: экклесиология — антропология — культура» // Богословские труды. 2007. Сб. 41. С. 577–584; *Несмелов В.Н.* Наука о человеке: в 2 т. Казань, 1889, 1901; *Новикова Р.П.* Права и свободы в свете Православия: В условиях глобализации // Философские проблемы глобализации: общество, культура, право. Ростов н/Д., 2007. С. 106–117; *Вениамин (Новик), игумен.* Христианское понимание прав человека // Религия в современной системе международных отношений: Либерализм и традиционное самосознание. СПб., 2007. С. 18–30; *Евланникова И.В.* Понимание личности в православной и философской антропологиях // Социальная структура и социальные процессы в современном обществе. Новочеркасск, 2007. Вып. 2. С. 87–95; *Овинникова Ю.А.* Идеал православной личности в русской культуре // Наследие И.В. Киреевского. Ростов н/Д., 2006. С. 244–300; *Кырлежев А.И.* Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Церковь и время. 2006. № 4. С. 25– 34.

[69] См., напр.: Творения преподобного Максима Исповедника. М., 1993; *Григорий Богослов*. Собр. творений. М., 1994;

[70] См. подробнее: *Василий Великий.* Беседы на шестоднев // Творения Василия Великого, архиеп. Кесарии Каппадокийской. М., 1911. Ч. I–V.

[71] *Георгий Кочетков, свящ.* Проблема индивидуализма и личностности в Православной церкви (на приходе, в монастыре, в семье по плоти и семье по духу, т. е. в церковной общине-братстве-школе) // http://www.sfi. ru/lib.asp? rubr_id=755&art_id=3979

[72] См. подробнее: *Ананьев Э.В.* Роль синагоги в жизни России: особенности и перспективы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 177.

[73] См. там же. 2010. № 2. С. 174.

[74] См. там же. 2010. № 3. С. 86–87.

и общественной. Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, выступая на IX Рождественских образовательных чтениях, подчеркнул: «...в документе идет речь об исключительной роли семьи в развитии личности, той семьи как школе благочестия, в которой формируется чувство живой преемственности поколений. Выражена озабоченность Церкви разрушением традиционных связей родителей с детьми — этому разрушению способствует уклад жизни современного общества. В результате дети начинают восприниматься как ненужная обуза, растут отчуждение и антагонизм между поколениями»[75]. Развивает данную мысль прот. Вс. Чаплин (см.: В.5 — с. 70).

Вместе с тем социальный документ РПЦ придерживается весьма консервативных взглядов в вопросе защиты основных прав личности. В частности, говорится: «Появление принципа свободы совести — свидетельство того, что в современном мире религия из “общего дела” превращается в “частное дело” человека. Сам по себе этот процесс свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести. Если первоначально государство возникло как инструмент утверждения в обществе Божественного закона, то свобода совести окончательно превращает государство в исключительно земной институт, не связывающий себя религиозными обязательствами» (с. 62). Польза принципа свободы совести, по мнению авторов православного документа, видится лишь в том, что он «оказывается одним из средств к существованию Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» (с. 62–63).

В Декларации прав и достоинства личности, принятой X Всемирным Русским Народным Собором, подчеркивается, что ценности Веры, морали, общества и Родины — выше и глубже индивидуальных свобод. В частности, в документе сказано: «Права человека лишь в той мере должны признаваться ценностью, в какой они способствуют восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе»[76].

Старообрядческое богословие также не рассматривает содержание понятия *личность* с социальной точки зрения. В развитие темы высказывается и митрополит Московский и всея Руси Корнилий (см.: В.4 — с. 73).

Вместе с тем о значимости развития *личности* свидетельствует факт, что до революции уровень грамотности и религиозной образованности в среде староверческого населения был несравненно выше, чем в той части простого народа, что принадлежала к синодальной Церкви. Даже в отдаленных глухих деревнях неграмотность была скорее исключением, даже среди женщин; религиозные убеждения отличались осознанностью и глубиной[77].

Н.И. Костомаров писал: «Русский мужик в расколе получал своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте; кругозор его расширялся настолько, насколько этому могло содействовать чтение Священного Писания и разных церковных сочинений... Как ни нелепы казаться могут нам споры о сугубой аллилуйя или о восьмиконечном кресте, но они изощряли способность русского простолюдина: он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия»[78].

Краткий вывод, который мы можем сделать здесь: Основы социальной концепции РПЦ, в одном ряду с иудейской социальной доктриной, но в отличие от западно-христианских традиций (католиков и протестантов), утверждают абсолютный примат *социума* над человеческой *личностью*, в то время как социальная программа российских мусульман рассматривает понятие *личность* только с позиции социальной ответственности перед обществом.

Основы социальной концепции РПЦ, руководствуясь церковной догматикой, не рассматривают антропологическую ценность *личности*, но подчеркивают ее сотериологическую ценность. Документ рассматривает *личность* в контексте иных, более значимых понятий, таких, как *общество*, *Церковь*, *семья*, *государство*.

---

[75] Доклад председатель ОВЦС МП митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на IX Рождественских образовательных чтениях // www.patriarhia.ru

[76] См.: http://www.patriarchia.ru/db/text/103244.html

[77] См.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М., 1995. С. 22–23.

[78] *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников // *Костомаров Н.И.* Собр. соч. Т. 12. СПб., 1905. С. 231.

* * *

В результате общего обзора и анализа основных положений социальной доктрины Православной Церкви следует отметить:

– В православном миросозерцании понятие *нация* тесно связано с понятием *общество* и вторично по отношению к нему, вместе с тем оно первично по отношению к такому понятию, как *личность*. В этом содержится принципиальное отличие от точки зрения российских протестантов и католиков, социальные доктрины которых указывают на абсолютный примат *личности*. Подобно Католической социальной доктрине, документ РПЦ указывает на *наднациональную природу* Церкви, вместе с тем объемы рассматриваемого понятия не совпадают. Если Католическая Церковь рассматривает *наднациональность* с точки зрения миссиологии, то социальная концепция РПЦ, в одном ряду с социальным документом КЕРОР, подчеркивает в первую очередь свою культурно-просветительскую роль в обществе.

– Социальная доктрина Русской Православной Церкви рассматривает *государство* с социально-философской точки зрения, определяющей его в качестве структуры господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий, в то время как точка зрения богословия определяет данное понятие в качестве Божественного установления. В отличие от социального учения Католической Церкви, обозначающего лишь принципы своих взаимоотношений с *обществом* и *государством*, и протестантов, регламентирующих свои отношения с *государством* только в области защиты прав *человека*, православная концепция предлагает исчерпывающий список направлений взаимодействия с ним. Наряду с социальными доктринами иудеев и католиков, но в отличие от протестантов и мусульман, социальный документ Православной Церкви предусматривает возможность участия своих последователей в акциях гражданского неповиновения.

Таким образом, социальный документ видит Церковь в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в «Основах...» проблемы и сюжеты церковно-государственных отношений. Именно с точки зрения основ социальной концепции РПЦ, наряду с социальной доктриной иудеев, но в отличие от социальных доктрин католиков, протестантов и мусульман, *государство* вторично по отношению к *обществу*, но первично по отношению к такому понятию, как *личность*, а общественное в православном сознании превалирует над индивидуальным.

– Проблемы этики рассматриваются социальной концепцией РПЦ, как и всеми остальными исследуемыми нами документами централизованных религиозных объединений России, в рамках социологического подхода. Вместе с тем все христианские Церкви рассматривают проблему нравственности в контексте свободы, в то время как социальные документы КЕРООР и российских мусульман придерживаются взгляда на этику с правовой точки зрения, оставляя вопрос соотношения «нравственность — свобода» на периферии своих социальных воззрений. Только в социальных доктринах христианских конфессий *нравственность* занимает центральное место и рассматривается в контексте понятия *личность*. Только социальная доктрина РПЦ в иерархии нравственных ценностей свободу от зла ставит гораздо выше свободы выбора основных личностных прав и свобод. Вместе с тем вопросы социальной этики разработаны недостаточно глубоко, а все сферы и уровни общественных отношений сведены к индивидуально-личностным отношениям.

– В иудео-христианских традициях превалирует субъективное измерение труда над объективным. Роль труда рассматривается с точки зрения внутреннего состояния человека, в отличие от исламского понимания труда, где он оценивается только с точки зрения его результата. С точки зрения православного богословия труд оценивается с «высоты небес». Земные проблемы рассматриваются, памятуя о вечности, в то время как западное христианство, напротив, смотрит «на небо с земли».

Весьма поверхностно раскрывают проблемы труда Основы социальной концепции РПЦ. Возможно, причина в том, что данное понятие подробно регламентируется Православной Церковью с точки зрения богословия, а также в религиозно-философских воззрениях.

– Основы социальной концепции РПЦ, в одном ряду с иудейской социальной доктриной, но в отличие от западно-христианских традиций (католиков и протестантов) утверждают абсолютный примат *социума* над человеческой *личностью*, в то время как социальная программа российских мусульман рассматривает это понятие только с позиции социальной ответственности перед обществом над социумом.

Основы социальной концепции РПЦ, руководствуясь церковной догматикой, не рассматривают

антропологическую ценность *личности*, но подчеркивают ее сотериологическую ценность. Документ рассматривает *личность* в контексте иных, более значимых понятий, таких как *общество*, *Церковь*, *семья*, *государство*.

С учетом проведенного анализа сделаем вывод: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» как долгосрочная программа общественного служения Церкви рассматривают именно Церковь в качестве единого организующего стержня, на который «нанизываются» все представленные в «Основах...» проблемы и сюжеты церковно-государственных отношений. Социальный документ не просто декларирует принципы отношений между Церковью и обществом, но определяет и обосновывает статус РПЦ в современной России и проясняет, на какую роль она претендует в обществе.

Также заметим, что в канун 10-летнего юбилея со дня издания «Основ социальной концепции...» из всех структур РПЦ лишь Санкт-Петербургская Духовная академия отметила своим вниманием десятилетие социального документа в рамках проведенной Первой региональной конференции по церковному социальному служению «Новая эра милости» (23–25 октября). В СМИ нет откликов или высказываний о юбилее одного из значимых событий новейшей истории Церкви ни епископата, ни руководителей синодальных учреждений Русской Православной Церкви. Из этого можно заключить, что социальный документ РПЦ пока не играет в практической жизни Церкви той роли, которая отводилась ему при создании. Насколько теоретические представления будут соответствовать практическому социальному служению Церкви, обществу — покажет время.

© Ананьев Э.В., 2010

Приложение 1

Интервью с председателем Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиереем Всеволодом Чаплиным* на тему: «Православие как слово к общественной жизни»

В.1. **Ваше Высокопреподобие, досточтимый отец Всеволод, благодарим Вас за то, что нашли время для этой беседы. Хотелось бы начать с воспоминаний о создании, не побоюсь этих слов, исторического документа — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»?**

– Идея такого документа возникла достаточно давно. Еще в начале 90-х гг. XX в. Церковь оказалась в центре бурных общественных дебатов. Многие выражавшие различные взгляды политические группы и общественные организации не только претендовали на собственную уникальность, но и подчеркивали, что лишь их точка зрения является православной. В 1994 г. Архиерейский Собор по инициации митрополита Кирилла, возглавлявшего редакционную комиссию Собора, принял решение поручить Священному Синоду создать рабочую группу для выработки проекта всеобъемлющей концепции, отражающей общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом.

Группа была достаточно разнородной. К работе были привлечены люди самых разных убеждений: как консерваторы, так и либералы; монархисты и сторонники республиканского общественного устройства; придерживающиеся порой диаметрально противоположных взглядов на вопросы экономики и проблемы национальности. Это давало возможность для творческой дискуссии, иногда весьма эмоциональной. Тем не менее диалог был достаточно конструктивным, и мы пришли к единому пониманию всех приведенных в «Основах...» положений.

Среди авторов текста я бы хотел выделить особо: профессора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета А.Б. Зубова; церковного историка и правоведа о. Вл. Цыпина; профессора Московской Духовной академии, ныне покойного Э.В. Афанасьева; преподавателя Московской Духовной академии О.В. Шведова и многих других. Все вопросы решались под руководством митрополита Кирилла. Отдельные идеи документа обсуждались с экспертами, философами, правоведами.

В.2. **В чем актуальность (а, может быть, и уникальность) принятой социальной концепции? Кто является ее адресатом?**

– С одной стороны, документ готовился не как актуальный, т.е. цель его создания не заключалась в том, чтобы отреагировать на сиюминутную политическую ситуацию в России. «Основы...» предназначены для действия в долгосрочной перспективе и без привязки к какой-то конкретной стране, ведь примерно третья часть нашей паствы — это не российские граждане.

* Интервью провел в сентябре 2010 г. аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС Э.В. Ананьев.

С другой стороны, очевидно, что документ, будучи довольно крупным по объему и не слишком легким для чтения по содержанию, в то же время часто цитируется и представлен практически во всех значимых разработках в области церковно-общественных и церковно-государственных отношений. Как раз в этом и заключалась одна из его основных идей — чтобы человек, интересующийся позицией Церкви по той или иной теме, мог бы открыть соответствующий раздел и справиться в авторитетном источнике.

Адресатом документа являются прежде всего православные христиане. Так сказано в самом документе. «Основы социальной концепции...» — это послание, адресованное самой Церкви. По сути, это внутрицерковный документ.

В.3. **Основы христианства как религиозного учения имеют трансцендентный характер; ярчайшим символико-семиотическим примером тому является творчество прп. Андрея Рублева — его Троица, прп. Дионисия — его фрески, и как своего рода вершина — монастырь Нового Иерусалима, построенный Патриархом Никоном. Плачевное, если не сказать, разоренное, состояние последнего в ряду с принятием «Основ социальной концепции...» — не означает ли это признания современным православным богословием ценности мира профанного — мира дольнего?**

– Церкви необходимо реагировать на то, что происходит в обществе, особенно в тех случаях, когда оно проходит через испытания или греховные состояния. Созерцательность, с точки зрения православного христианина, не означает равнодушия к тому, чем живут окружающие люди, но, наоборот, всегда имеет социальный выход. Православию чужда доктрина «двух мечей», т.е. тотального разделения между государством и Церковью, между светской и духовной властью. Мы знаем немало примеров, когда удалившиеся от мира монахи после определенного периода затворничества возобновляли общение с людьми, просвещая их той мудростью, которую они стяжали от Бога в своем затворе. Многие из них выносили суждения по общественным вопросам. Примером могут быть и деятельность преподобного Сергия во время княжеской междоусобицы, и впечатляющее духовное послание наших монахов и пастырей в период мученичества Церкви. Я считаю несправедливым утверждение, что Православие должно быть где-то там, в тайных пустынях, «в сфере высокого искусства», а в жизни того самого мира, где решаются вопросы, влияющие на жизнь обычного человека, Православию места нет.

В.4. **Означает ли наднациональность Церкви, что она видит, предлагает еще один (кроме гражданского и этнического) формообразующий принцип нации — монорелигиозный? Ветхозаветный народ был именно таким, но можно ли пытаться подражать ему? Можно ли претендовать на богоизбранность?**

– Церковь наднациональна. С одной стороны, этот принцип подчеркивает, что есть ценности, с точки зрения православного человека, более важные, чем жизнь народа или даже государства. Это, в частности, ценность истинной веры, от которой напрямую зависит вечное спасение и достижение блаженной вечности. С другой стороны, Церковь объединяет людей разных национальностей. В больших городах в Церковь приходят люди и китайской, и африканских национальностей.

Но наднациональность как характеристика Православной Церкви никогда не была основанием для построения вненациональной общности людей. Редактор сайта «Социальное богословие» Сергей Волобуев однажды сказал: «Россия — это многоконфессиональная православная страна». Мне импонирует его точка зрения. Россию сегодня невозможно представить без людей, исповедующих другие религии. Такого не было ни во времена существования Московского царства, ни в годы Российской империи, тем более нет такого и сегодня.

Но ведь, с другой стороны, факт наличия религиозных меньшинств, пусть даже достаточно крупных, не должен быть основанием для того, чтобы лишать Православие его общественной роли. Идеализировать или универсализировать русскость как этническую принадлежность я бы тоже не стал, хотя, действительно, русский народ, как и любой другой крупный народ, имеет определенную открытость к другим народам, к их культурам.

Говоря о богоизбранности народов, отмечу, что христианству такая идея незнакома: никто не становится ближе к Богу или дальше от Бога лишь только потому, что он родился, например, русским или татарином. В то же самое время у народа может быть определенная религиозная и религиозно-общественная миссия, выполнение которой зависит не от его происхождения, но лишь только от его собственного умения эту самую миссию понимать и нести.

В.5. **Какое место в православном богословии отведено понятию «личность» — каково оно, каков объем этого понятия? Почему в «Основах социальной концепции...» не встречаются такие понятия, как «общечеловеческие ценности» или «христианский универсализм»?**

– Думаю, что содержание понятия *личность* еще ждет своего развития в православном социальном богословии. Были очень интересные дискуссии, связанные с приближением к православному пониманию антропологии. Отмечу, что в любом случае очевидно, что *личность* — это не технический термин, как, например, индивидуум. Это персона, т.е. существо не самодостаточное, но находящееся в общении с кем-то. Этот подход к определению личности, очевидно, следует дальше анализировать и развивать.

Понятие «общечеловеческие ценности» лично я считаю очень далеким от реальности. Нам сейчас пытаются предложить в качестве общечеловеческих ценностей определенную идеологическую установку, связанную с тем, что такими ценностями объявляются утилитарные ценности земного бытия: материальное благосостояние, спокойные отношения между людьми, беспроблемное общество, здоровье, иными словами, все то, что обеспечивает относительно богатое и здоровое состояние земного мира. Но необходимо всегда помнить, что не эти ценности являются главными для христианина, как, наверное, и для мусульманина. Важно также понимать, что в мире есть разные системы ценностей и кое в чем они принципиально не совпадают.

В.6. **Что означает термин «христианский патриотизм», ведь в ни в Евангелии, ни в трудах отцов Церкви мы такого понятия не встречаем?**

– Любовь к Родине естественна для любого человека, как и любовь к семье или к той земле, на которой человек вырастает. Люди, выступающие против своей Родины, — это скорее всего люди, ослепленные собственным грехом и духовными недугами. Именно поэтому я считаю естественным христианский патриотизм. Впрочем, он не должен превратиться в идолослужение. Чувство патриотизма не должно превращать христианина в слепого поклонника своего народа. Будучи патриотом, христианин не должен закрывать глаза на грехи собственного народа. Нельзя прощать ему, например, преступления против правды Божией.

В.7. **Документ критически оценивает такое значимое для современного мира, в том числе и российского общества, понятие, как «либеральное общество», но где граница между критикуемым либерализмом и свободой человека, источником которой является сам Бог?**

– Работая над текстом «Основ...», мы принципиально старались избегать каких-то клише, в частности, описания либерализма как негативного феномена. Но вместе с тем лично я считаю, что раскрепощение страстей лишает человека настоящей свободы. Об этом очень много сказано в другом документе — «Основах учения Русской Православной Церкви о свободе, достоинстве и правах человека», — принятом на Архиерейском Соборе 2008 г. Человек, реализующий свою свободу через порок, очень быстро этой свободы лишается. Есть известный пример о самоубийце, который собирается прыгнуть из окна. До того, как прыгнуть, он еще свободен, а когда уже прыгнул, свободы нет.

Общество, которое потакает порокам, стимулирует их развитие, прикрываясь человеческой свободой, неизбежно лишает свободы основную часть своих членов. Рано или поздно оно скатывается либо в тоталитаризм, либо в анархию.

В.8. **Как Вы полагаете, насколько с точки зрения православного мировоззрения возможно говорить о тождественности понятий «общество» и «государство»?**

– Общество и государство — не совсем и не всегда одно и то же. Неслучайно в церковных документах последних лет мы обычно ставим общество на первое место, а государство — на второе. Общество, как правило, формирует государство. Если государство не соответствует обществу, то оно рано или поздно перестает существовать. Власть, не соответствующая своему народу, никогда не сможет долго прожить. Самые внешне сильные и внешне популярные режимы, созданные против воли общества, просуществовали в XX в. всего несколько десятилетий, что с точки зрения макроистории чрезвычайно мало.

Говоря о роли *личности* в этой связке, хочу отметить, что противопоставление *личности обществу* не является естественным. *Личность* не может жить в абсолютном одиночестве, а, значит, обязана учитывать интересы других *личностей*. Да, Церковь призывала и будет призывать жертвовать личными интересами ради достижения блага народа. Подобный подход в православной традиции всегда считался правильным, и его не придумала Византия или Россия — это евангельская норма.

Вместе с тем Православная Церковь всегда выступала против того, чтобы или государство, или толпа, или сословие пытались полностью подчинить себе или игнорировать интересы отдельного человека. Общество должно жить в гармоничном единстве. Противопоставление личности и общества, думаю, навязывается теми, кто хочет, чтобы они всегда были в состоянии управляемого конфликта.

В.9. **Все христианские конфессии согласны, что государство — это установление Бога. При этом протестантским конфессиям импонирует демократический принцип организации власти; а каковы установки, взгляды на этот счет в православной среде?**

– Протестантские конфессии прошли достаточно длительную эволюцию за свою историю и приспосабливались к самым разным формам государственного устройства. Когда доминировали князья и курфюрсты, эти конфессии опирались на их помощь и устраивали под их руководством государственные церкви, отнимая при этом собственность у католиков. Сейчас, когда в странах Западной Европы господствует идеология политкорректности и позитивного отношения к разного рода порокам, они приспосабливаются к этой идеологии, и неслучайно новшества, которые появились в некоторых протестантских деноминациях в области отношения к моральным вопросам, в частности, к гомосексуальным «бракам», проведены явно под влиянием государственных структур и политической элиты. На мой взгляд, налицо приспособленчество — как по отношению к власти, так и по отношению к общественному мнению. Православие старается помнить и осуществлять евангельский общественный идеал. В обществе должны присутствовать те принципы, которые отражены в Евангелии и которые будут воплощены в жизни Царствия Божия. А там, кстати, будет иерархическое устройство. Нравится кому-то это или нет, мы от такого идеала никогда не отказывались. Для нас общественное устройство — части общества или его в целом — должно соответствовать евангельскому нравственному идеалу.

В.10. **Церковь и политика. Церковь большинства в православном богословии рассматривается как душа нации. Но какими принципами поведения, на Ваш взгляд, должна руководствоваться Церковь большинства в многонациональном и поликонфессиональном государстве?**

– Отношение Церкви к политическим силам было сформулировано в 1993–1994 гг., задолго до принятия «Основ...». Священный Синод, а затем и Архиерейский Собор приняли решения, устанавливающие невозможность для священнослужителей баллотироваться в легислатуры любого уровня, и призвали их дистанцироваться от участия в политической борьбе. Данные решения были расширены в 1997 г., когда духовенству не благословили членство в политических партиях. Это не значит, что мы не должны вести диалог с ними. У Православной Церкви есть регулярные контакты и с «Единой Россией», и со «Справедливой Россией», и с КПРФ, «Яблоком», ЛДПР. Цель такого диалога — не предвыборная поддержка, а постоянная забота о благе людей. Спектр наших дискуссий включает все темы, которые важны для народа.

В.11. **Нравственность и право. Как Вы думаете, что является основанием права, что определяет степень регламентации, необходимой для установления и поддержания порядка, и степень личной свободы, без которой**

не может быть речи об осознанной вере и независимом мировоззрении?

– Если каждое общество само принимает для себя решение, какие пороки оно запрещает, а какие нет, то граница, проведенная им, как показывает история, многократно подвергается корректировке. Действия, которые считались однозначно преступными, позже были признаны терпимыми, а потом объявлялись вариантами нормы. Такая тенденция может развиваться до бесконечности, и примером может быть отношение к педофилии. Сегодня уже создана целая сеть организаций, отстаивающих «право» детей вступать в сексуальную связь со взрослыми... Комментарий излишен. Смещение границ нравственности позволяет говорить о наличии в обществе, на наш взгляд, «незаконных» законов. Сегодня право нуждается в коррекции с точки зрения этических норм. Более того, я считаю незаконченной дискуссию об основаниях права. Право, с моей точки зрения, — это не просто договор между людьми. Есть более серьезные основания, к которым я отношу, например, духовные традиции разных обществ, будь то православное, исламское или какое-либо еще.

В.12. **Отношение к труду. С Вашей точки зрения, первичен результат труда или собственно процесс? Можем ли мы говорить, что труд — это форма богопочитания, богопоклонения?**

– Труд может быть как богоугодным, так и небогоугодным. Человек, который обманывает других, продает наркотики, порнографию, тоже по-своему трудится. Православная этика говорит не только о результате труда или его процессе в утилитарном смысле, но и о духовном результате труда — о воспитании добродетелей в человеческом характере. Бог судит человека не по количеству нулей на счетах, а по состоянию человеческого сердца. Это состояние можно как улучшить, так и сделать постоянным кошмаром, — я говорю о крайних проявлениях безнравственной деятельности. Не меньшую тревогу вызывает ситуация, когда человек не оставляет в жизни ничего, кроме работы и зарабатывания денег. Идут прахом семья, душевное здоровье, интеллектуальное и духовное развитие личности. Это тоже достаточно серьезная проблема.

В.13. **Сознанию, мировоззренческим установкам многих православных характерен дуализм «духовного» (сакрального) и «мирского» (профанного), «церковного» и «светского». Этот дуализм актуализирует проблему: каким образом спасение, понимаемое в эсхатологическом смысле, совместимо со спасением как благоустроением человеческой жизни на земле?**

– Православие, да и само Евангелие, если его читать целиком, а не выхватывать из контекста отдельные места, не проповедуют социально оптимистическое мировоззрение. Мир не становится лучше. И лучшее устроение жизни невозможно без обличения зла, в опоре на которое строится жизнь сегодняшнего мира. Я не вижу здесь, откровенно говоря, дуализма. Просто православный христианин понимает, что мир лежит во зле, что его жизнь не может становиться лучше. Христианин надеется, что его труды позволят отложить пришествие конечного зла, но в то же время понимает, что достижение идеала в земной жизни невозможно, и хвалить обезбоженное общественное устройство, по большому счету, никогда не будет.

В.14. **Преступление — это посягательство на общее благо или нарушение границ свободы (свободы в узком и широком смысле, в том числе и предоставленной)?**

– Есть более широкое понимание преступления, чем нарушение границ свободы. Есть преступление против веры, против нематериальных ценностей. Государство, кстати, признает преступления против символических ценностей, — например, против государственного флага или могилы усопшего. Но, с точки зрения радикального гуманизма, осквернение могилы — это и не преступление вовсе. В чем разница между надгробием и камнем, который лежит на дороге? С точки зрения Православной Церкви, разница есть. И точно так же есть разница между обычным изображением и священным. И последнее должно защищаться обществом, как защищаются могила, флаг или герб.

В.15. **Наказание. Каким образом, на Ваш взгляд, ущерб, нанесенный целостности Божественного миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника?**

– Не думаю, что ущерб, нанесенный целостности миропорядка, может быть восполнен через страдания преступника. Целостность Божественного миропорядка на земле после грехопадения в принципе невозможна. Цель наказания преступника — это не месть, не искупление чего-либо его страданием, а воспитание этого человека. Поэтому наша Церковь сегодня активно выступает за свое присутствие в местах лишения свободы. Есть, конечно, у наказания и другая цель — оградить мирных и благонамеренных граждан от преступника, обеспечить безопасность всего общества.

В.16. **Семья и ценность этого института. На Ваш взгляд, в Православии в ее осмыслении превалируют социологические или онтологические установки, какова степень сакрализации такого феномена, как семья?**

– О сакрализации семьи в церковном понимании я бы не говорил, но православные христиане убеждены, что семья призвана быть малой Церковью. Если в отношениях не присутствует Бог, значит, говоря языком Достоевского, «все позволено».

Вот почему для православного христианина без сакрализации семьи как явления нет такого понятия, как «культ семьи». Однако семья должна иметь не только горизонтальное измерение, связанное с деньгами, бытом, обустройством жизни и отсутствием скандалов, но и вертикальное — цель, ради которой все мелкие дрязги и бытовые проблемы будут казаться малозначимыми и легко преодолимыми. А высшая цель христианина — достижение блаженной вечности.

В.17. **Глобализация — неизбежность или необходимость? Почему?**

– Я бы разделил глобализацию как естественный процесс активизации связей между народами и глобализм как проект, имеющий своих жрецов, своих «священных коров», свои догмы, миссионеров и инквизицию. Есть определенный круг людей, считающих, что общество должно быть устроено сугубо рационально, на основе безусловного приоритета чисто утилитарных соображений. Через идеологемы, которые сторонники этой идеи пытаются закрепить в международ-

ном праве, этот проект стремятся внедрить во все общества, закрепить в сознании людей. Я боюсь, что, несмотря на декларируемость его как проявления свободы, к свободе он имеет отдаленное отношение. Такое восприятие жизни всегда заканчивается тотальным контролем.

В.18. **Что есть, на Ваш взгляд, социальная идея в современной культуре, или, говоря по-другому, какова идеология социальной идеи (доктрины)?**

– Считаю, что для нахождения социальной или национальной идеи нужно не заниматься прожектерством и не пытаться изобрести или выдумать нечто оригинальное, а прислушаться к голосу народа, спросить, чего он хочет. И, уже исходя из этого, рассуждать о том, какова могла бы быть объединяющая идея. Надо услышать присутствующую в жизни людей идею и помочь им выразить ее в своих словах и поступках.

© Чаплин В.С., прот., 2010

© Ананьев Э.В. собеседование, подготовка к печати, 2010

Приложение 2

Интервью с Предстоятелем Русской Православной Старообрядческой Церкви Высокопреосвященнейшим Корнилием, митрополитом Московским и всея Руси на тему: «Обмирщение веры недопустимо…»*

В.1. **Ваше Высокопреосвященство, благодарим Вас за любезное согласие дать интервью для журнала и, если позволите, задам первый вопрос: планируется ли принятие Русской Православной Старообрядческой Церковью социальной концепции, по аналогии с РПЦ и иными конфессиями?**

– Принципы социального служения, по которым всегда жила Православная Старообрядческая Церковь, изложены в христианском учении с достаточной полнотой, поэтому в принятии специальной социальной концепции для нашей Церкви на сегодняшний день не вижу необходимости.

В.2. **Основы христианства как религиозного учения имеют трансцендентный характер; подразумевает ли принятие социальной доктрины некоторое обмирщение веры в угоду земной жизни?**

– В жизни Церкви обмирщение веры в угоду земной жизни недопустимо.

В.3. **Означает ли национальность Церкви, что она предлагает еще один (кроме гражданского и этнического) формообразующий принцип нации– монорелигиозный? Ветхозаветный народ был именно таким, но можно ли пытаться подражать ему? Можно ли претендовать на богоизбранность?**

– На богоизбранность самовольно претендовать нельзя, она дается Богом и Им определяется.

В.4. **Какое место в старообрядческом богословии отведено понятию «личность», каков объем этого понятия? Возможна ли интерпретация понятия «личность» в контексте такого понятия, как «общечеловеческие ценности»?**

– Под личностью в христианстве понимается прежде всего духовная составляющая человека — совесть, разум, способность к творчеству, стремление к борьбе с грехом. Общечеловеческие ценности определяются, исходя из земного бытия человека, поэтому личность в их контексте носит секулярный, индивидуалистический характер. Список общечеловеческих ценностей с течением времени может изменяться, в большей или меньшей степени соответствуя неизменным христианским ценностям, и то, какие ценности человек считает общечеловеческими, во многом характеризует его личность.

В.5. **Что означает понятие «христианский патриотизм», ведь ни в Евангелии, ни в трудах отцов Церкви мы такого понятия не встречаем?**

– Христианский патриотизм основывается на любви к ближнему и к своим предкам, жившим в нашем Отечестве. Но первична для христиан любовь к Богу и Отечеству Небесному — Царству Божию.

В.6. **Насколько уместно, с точки зрения старообрядческих социальных воззрений, использование понятия «либеральное общество»? Где, на Ваш взгляд, проходит граница между критикуемым либерализмом и свободой человека, источником которой является Бог?**

– Западный либерализм подразумевает свободу от духовно-нравственных норм, т.е. свободу совершать грех. Свобода, источником которой является Бог, есть свобода от греха, достигаемая преодолением своих пороков и страстей. По словам апостола Павла, делающий грех — раб греха есть, и свобода нам дается не к угождению плоти, а к свободному выбору Бога.

В.7. **С точки зрения старообрядческого мировоззрения, насколько возможно говорить о тождественности понятий «общество» и «государство»?**

– Тождественности здесь не вижу. Общество — это народ, а государство — система управления и внешней организации жизни общества.

В.8. **Все христианские конфессии согласны, что государство — это установление Бога. При этом протестантским**

* Интервью провел аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС Э.В. Ананьев в сентябре 2010 г.

конфессиям импонирует демократический принцип организации власти, а каковы установки, взгляды на этот счет в старообрядческой среде?

– Хотел бы уточнить, что «несть власти, яже не от Бога». Исходя из этого, старообрядцы всегда со смирением принимали существующую форму управления государством.

В.9. **Церковь и политика. Церковь большинства в старообрядческом богословии рассматривается как душа нации. Но какими принципами поведения должна руководствоваться Церковь большинства в многонациональном и поликонфессиональном государстве?**

– На сегодняшний день Русская Православная Старообрядческая Церковь не является Церковью большинства. Она наднациональна и, по слову апостола, в ней нет «ни иудея, ни еллина», т.е. национальность не должна иметь первенствующего значения. Церковь, независимо от ее величины, хранит веру и живет по ее законам.

В плане отношения к иным конфессиям Церковь в многонациональном и поликонфессиональном государстве должна иметь право осуществлять проповедь мирными средствами в рамках существующего законодательства.

В.10. **Нравственность и право. Где, на Ваш взгляд, проходит граница между степенью регламентации, необходимой для установления и поддержания порядка, и степенью личной свободы, без которой не может быть речи об осознанной вере и независимом мировоззрении?**

Степень регламентации поведения граждан должна позволять им руководствоваться в первую очередь законами, данными Богом и изложенными в Евангелии, а затем законами государства.

Личная свобода в выборе веры и мировоззрения не зависит от регламентации гражданскими законами; человек может быть духовно свободным в вероисповедании, даже находясь в тюрьме.

В.11. **Отношение к труду. С Вашей точки зрения, первичен результат труда или сам процесс? Можем ли мы говорить, что труд — это форма богопоклонения?**

Процесс труда и его результаты неразрывно связаны. Главный труд в жизни человека — это труд над спасением души. Если говорить о форме, то труд — это скорее богопослушание, чем богопоклонение. Труд есть необходимая, благословленная Богом форма (или способ) жизни человека на земле, которая должна совершаться в терпении и смирении.

В.12. **В сознании многих старообрядцев существует дуализм «духовного» и «мирского», «церковного» и «светского». Этот дуализм провоцирует вопрос: каким образом спасение, понимаемое в эсхатологическом смысле, совместно со спасением как благоустроением человеческой жизни на земле?**

Спасение души человека совместимо и с благоустроением человеческой жизни на земле, при условии, что это благоустроение будет вторичной целью в рамках правил благочестивой христианской жизни, которая должна вести к главной цели — вечной жизни в Царстве Божиим.

В.13. **Преступление — это посягательство на общее благо или нарушение границ свободы (свободы в узком и широком смысле, в том числе и предоставленной)?**

Преступление — это нарушение государственных законов. С религиозной точки зрения, преступление заповедей Божиих — есть грех. Он отделяет человека от Бога, т.е. лишает спасения, а несоблюдение гражданских законов нарушает права и общее благо других людей и карается законом.

В.14. **Наказание. Каким образом ущерб, нанесенный целостности Божественного миропорядка, может быть восполнен через страдание преступника?**

Наказание, определяемое гражданскими законами, — это средство возвращения преступника к добродетельной жизни через его страдания. В духовном смысле покаяние и добровольное страдание способствуют внутреннему очищению от грехов.

В.15. **Семья и ценность этого института. На Ваш взгляд, в Старообрядческой Церкви в ее осмыслении превалируют социологические или онтологические установки; какова степень сакрализации семьи?**

В Старообрядческой Церкви главенствуют духовные мотивы создания семьи. Разрушение семейного союза, освященного Церковью в таинстве брака, считается великим грехом. «Кого Бог сочетал, человек да не разлучает» — звучит как непреложный закон в церковном чине венчания. Семья, по христианским понятиям, есть малая Церковь, которая призвана вести ко спасению.

В.16. **Глобализация — это неизбежность или необходимость? Почему?**

– Современная глобализация, разрушающая нравственность и религиозную мораль, к сожалению, является нежелательной неизбежностью.

Церковь должна изучать, как глобализация влияет на судьбу религиозно-нравственных ценностей, и при очевидной опасности уметь противостоять чуждым воззрениям.

В.17. **Что есть, на Ваш взгляд, социальная идея в современной культуре, или, говоря по-другому, какова идеология социальной идеи (доктрины)?**

Восстановление в современной культуре христианских ценностей, таких, как вера в Бога, любовь к ближнему, смирение, целомудрие, милосердие и сострадание, могло бы способствовать укреплению и оздоровлению общества. И, слава Богу, что сегодня эти духовные ценности живы и находят все больше сторонников и бескорыстных служителей.

© Корнилий, митрополит Московский и всея Руси, 2010

© Ананьев Э.В. собеседование, подготовка к печати, 2010

© Шмидт В.В., общ. ред. материалов, 2010